

БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Авторы: В. Н. Топоров

БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ, ветвь *индоевропейских языков*. По данным топонимии, наличию балтизмов *славянских языках*, археологическим и собственно историч. данным (см. в ст. *Балты*), в 1-м – нач. 2-го тыс. н. э. Б. я. были распространены на обширной территории к югу и юго-востоку от Прибалтики – в Верхнем Поднепровье и вплоть до правых притоков верхней Волги, Верхнего и Среднего Поочья (включая зап. часть бассейна р. Москва и территорию совр. г. Москва), р. Сейм на юго-востоке и р. Припять на юге (балтизмы отмечены и к югу от неё). Можно говорить о балт. элементе и к западу от Вислы – в Поморье и Мекленбурге, хотя происхождение этих балтизмов не всегда ясно. Особенности ареала Б. я. в древности объясняют следы языковых контактов балтов с финно-уграми, иранцами, фракийцами, иллирийцами, германцами и др.

Б. я. включают: живые *литовский язык* и *латышский язык* и иногда особо выделяемый латгальский язык (вост. Прибалтика – Литва, Латвия, сев.-вост. часть Польши, частично Белоруссия), вымершие *пруссский язык* (до 18 в. в Вост. Пруссии; его носители *пруссы* перешли на нем. и литов. языки), ятвяжский язык (судавский; северо-восток Польши, Юж. Литва, смежные р-ны Белоруссии – Гродненщина и др.; остатки его существовали до 18 в., а некоторые следы сохранились в речи литовцев, поляков и белорусов названного ареала), куршский язык (побережье Балтийского м. в пределах совр. Литвы и Латвии; исчез к сер. 17 в. и оставил следы в соответствующих говорах латыш. и литов. языков), земгальский язык (юг Средней Латвии и Сев. Литва; исчез к кон. 15 в., оставив следы в латыш. и литов. говорах), селонский язык (селийский; на нём говорили на юго-востоке Латвии и на северо-востоке Литвы; засвидетельствован в документах 13–15 вв.), галиндский язык (о нём можно судить лишь по топонимич. материалу, локализуемому на юге Пруссии), голядский язык (на севере Калужской обл. и в Подмосковье – на р. Протва; о нём можно судить по топонимич. данным, следам в рус. говорах, названию племени *голядь*, упоминаемому в рус. летописях 11–12 вв.) и др. языки балт. населения вост.-слав. территорий (известные только по данным топонимики). Пруссский, ятвяжский, галиндский и, видимо, куршский языки составляют зап. подгруппу Б. я. (ятвяжский и галиндский, возможно, были диалектами прусского), латышский, литовский, земгальский и селонский языки – восточную. Возможно, правильнее выделять языки т. н. внешнего пояса балт. ареала (пруссский и куршский на крайнем западе, галиндский и ятвяжский на крайнем юге и, возможно, на востоке), противопоставленные языкам т. н. внутр. зоны (латышскому и литовскому), сформировавшимся в результате конвергенции близкородств. наречий в пределах ср.-век. государств. Б. я. внешнего пояса рано подверглись славизации, целиком вошли в состав *субстрата* в польском и вост.-слав. языках, полностью растворившись в них.

Б. я. полнее, чем др. совр. группы индоевроп. языков, сохраняют древнюю индоевроп. языковую систему. В соответствии с одной из точек зрения, они – остаток древней индоевроп. речи, сохранившейся после выделения из этой семьи др. языков. Внутри группы древних индоевроп. диалектов Б. я. тяготеют к т. н. языкам сатем (тем, в которых индоевроп. заднеязычные палатальные представлены в виде сибилантов), хотя в Б. я. сатемизация осуществилась с наименьшей полнотой. Особенно близки Б. я. к славянским языкам. Эта близость объясняется

по-разному: принадлежностью к одной группе индоевроп. диалектов, находившихся в близком соседстве и переживших ряд общих процессов, продолживших тенденции индоевроп. развития; относительно поздним территориальным сближением носителей балт. и слав. языков, обусловившим их конвергенцию, в результате которой выработались мн. общие элементы; наличием общего балто-слав. языка – предка балт. и слав. языков (наиболее распространённая точка зрения); исконным вхождением слав. языков в группу Б. я., из которых они выделились относительно поздно. Тесные генетич. связи объединяют Б. я. с древними индоевроп. языками Балкан (с иллирийским языком, фракийским языком и др.).

Фонологич. структура Б. я. характеризуется рядом следующих общих черт. Система фонем в литовском и латышском (их число в латышском несколько меньше, чем в литовском) и, видимо, в прусском описывается общим набором дифференциальных признаков. Существенны противопоставления палатальных и непалатальных (типа k':k, n':n), простых согласных и аффрикат (с, з, щ, ж), напряжённых и ненапряжённых (e:æ, i:iē, u:o); фонемы f, x (а также с и в литовском и dз в латышском) встречаются, как правило, в заимствованиях. Важно сходство в организации просодич. уровня Б. я., притом что ударение в литов. яз. свободное, а в латышском стабилизировано на начальном слоге. Гласные фонемы различаются по долготе-краткости. Характерны интонационные противопоставления и дифтонги (ai, au, ei, ie, ui).

Для морфонологии глагола характерно количеств. и качеств. чередование гласных, имени – передвижения акцента, мена интонаций и т. п. Б. я. обладают исключит. богатством суффиксального инвентаря (особенно для передачи уменьшительности – увеличительности, ласкательности – уничижительности).

Для морфологич. структуры Б. я. характерны категория рода (мужской и женский со следами среднего, особенно в одном из известных диалектов прус. яз.), числа (единственного – множественного; известны примеры дв. ч.), падежа (номинатив, генитив, датив, аккузатив, инструменталис, локатив, звательная форма; влияние финноязычного субстрата объясняет существование в литов. диалектах форм аллатива, илллатива, адессива), сложности-несложности (прежде всего в прилагательных – полные и краткие формы), градуальности (3 степени сравнения у прилагательных). В склонении существительных различаются 5 типов основ – на -o-, -a-, -i-, -u- и на согласный. Наряду с именным типом склонения выступает и местоименный тип, играющий особую роль в склонении прилагательных. Для глагола существенны категории числа, лица (1-е, 2-е, 3-е), времени (настоящее, прошедшее, будущее), наклонения (изъявительное, условное, желательное, повелительное; в латыш. яз. развились долженствоват. и пересказыват. наклонения, очевидно под влиянием финноязычного субстрата), залога (действительный, возвратный, страдательный). Различия по виду и по каузативности-некаузативности целесообразнее рассматривать как факты словообразования. Разные сочетания личных форм вспомогат. глагола с причастными порождают многообразные сложные типы времён и наклонений.

Синтаксич. связи в балт. предложении выражаются формами словоизменения, несамостоят. словами и примыканием. Ядро предложения – «имя в номинативе+глагол в личной форме». При обычном порядке слов группа глагола следует за группой имени в номинативе; в группе имени все падежные формы следуют за именем в генитиве, если они связаны с ним (это правило особенно существенно в связи с тем, что генитив в Б. я. способен выражать почти все синтаксич. отношения, кроме свойственных номинативу; отсюда – исключит. роль генитива в синтаксич. трансформациях).

Лексика латыш., литов. и прус. языков исконного индоевроп. происхождения. Очень велика лексич. общность

Б. я. со слав. языками, объясняемая как общим происхождением и архаичностью обеих языковых групп, так и значит. пластом слав. заимствований в Б. я. В литов. яз. и особенно в латыш. яз. много германизмов, в латышском (особенно по говорам) значителен слой заимствований из финно-угорских языков; мн. лексич. интернационализмы проникли в Б. я. не только непосредственно, но и через рус., польск. или нем. языки.

Об истории изучения Б. я. см. в статьях [Балтистика](#), [Латышский язык](#), [Литовский язык](#), [Прусский язык](#).

Литература

Лит. см. при статьях Балтистика, Латышский язык, Литовский язык, Прусский язык.